

Российская цивилизация. РОССИЯ - СССР СЕГОДНЯ? СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ПРОСТРАНСТВ

Автор: В. Л. КАГАНСКИЙ

Статья 3. Государство РФ и российское пространство*

Предыдущая статья завершилась выводом о том, что идущий спонтанный процесс разгосударствления пространства, выражающийся прежде всего в инверсиях советских структур пространства и его пострегионализации, сопровождается непрекращающимися попытками власти (прежде всего, федеральной) повернуть события вспять, провести реставрацию, вернуть прежнюю роль государства в пространстве. Отчасти это выражается в административной реформе, смысл которой (я реконструирую его исключительно по действиям власти, придавая им несравненно больше значения, нежели декларациям) состоит в *рационализации пространства власти*, не отличаемой ею от *рационализации пространства страны* как такового. Противоречие налицо, и оно отнюдь не единственно.

Сам вопрос: действительно ли РФ - это СССР сегодня, вопрос о том, *насколько и в каком смысле современная РФ является СССР* (продолжением СССР), *должен тогда ставиться и как вопрос о том, как именно в сравнении с властью СССР ведет себя власть РФ* - и сама по себе, и относительно сильно изменившейся пространственной реальности. До тех пор, пока власти РФ будут следовать стереотипу *управления пространством и его конструирования*, растождествление РФ и СССР будет оставаться лишь возможностью и будет сохраняться вероятность повторения РФ судьбы СССР. Ведь именно конструирование пространства позволило вначале осуществиться триумфу СССР, но потом - распасться этому сооружению: власти СССР не выращивали пространство, они его "изготавливали"; судьба пространства СССР дает урок (увы, пока неусваиваемый) для РФ.

Однако, несмотря на все попытки нового конструирования социальных отношений, особенно отношений пространственных, *переломить объективные закономерности трансформации пространства власти не удалось*; как уже отмечалось, *сама возможность пространственного развития* (если не смешивать его просто с динамикой, даже закономерной) *появилась в нашем пространстве совсем недавно - ведь советское про-*

---

* Статьи 1 и 2 см. "Общественные науки и современность", 2005, N 2, 3.

Каганский Владимир Леопольдович - научный сотрудник Института национальной модели экономики.

*странство не знало пространственного развития*¹. Власть, не способная сама осуществить проекты пространственного развития, действует неуместно, контрпродуктивно и неудачно, мешая или осложняя его [Каганский, 2003^a]. Все это побуждает специально рассмотреть деятельность власти в пространстве, концентрируя внимание на ее подлинном (не декларативном) содержании и реальном смысле.

Государственный образ пространства

Нынешнее пространство России огосударствлено. *Огосударствлено и видение, мышление, понимание пространства*. Пространство дано государству лишь в государственной оптике, которую трудно осознать и еще труднее преодолеть. *Государственная схема пространства* куда *сохраннее* ныне, нежели *самое государственное пространство*. Власть же видит не все то, что существует, а только лишь то, что имеет определенный статус, заданный сугубо нормативно и даже всего лишь аппаратно. Власть не то чтобы не видит пространства помимо государства - она и не догадывается о самом существовании какого-то пространства вне нормативной онтологии; пространство как таковое исключено из поля зрения или даже не существует для государства. Государство само порождает предметы своего видения; но *государственная картина пространства в основном фиктивна и мнима*. На линзу государственной оптики уже нанесено изображение².

Сама же эта картина пространства России еще и крайне упрощена. В ней представлены лишь те детали, что есть в статусной онтологии, - регионы или города как статусы, а не типы районов или типы поселений, тем более не реально существующие помимо регионов (субъектов Федерации) социально-экономические районы и районы культурного ландшафта. Самое большее - страна видится составленной из 89 частей - субъектов Федерации (скоро их будет меньше), тогда как на самом деле, как я покажу ниже, частей такого порядка - примерно 400. *Государственная картина пространства* игнорирует разнообразие индивидуальных мест, которое можно охватить лишь сложными типологиями и районированиями, но *сохранит только повторяющиеся стандартные детали*. Сама власть не рефлексирует, что она ультрареалистична (в смысле философской антиномии "реализм-номинализм"): реальность общих (статусных) категорий для нее несравненно выше, нежели реальность конкретных мест³.

Оборотная сторона стандартизации - крайняя индивидуализация: власть работает с конкретными местами как с чем-то почти уникальным; крайности реализма диалектически переходят в крайности номинализма. Таким образом, реальность пространства проваливается в пропасть между немногими тощими статусными схемами, имеющими сугубо государственное основание и смысл, и конкретными местами (прежде всего, регионами и городами), весьма часто персонифицируемыми. Закономерное разнообразие мест властью не схватывается; сложная, но вполне закономерная ткань районов культурного ландшафта властью (государством) просто игнорируется. В этом - и не только в этом - смысле РФ как государство видит пространство и ведет себя в нем точно так же, как и вел себя СССР; разумеется, с оговоркой о разном объеме возможностей этих государств.

Представление о пространстве как сотворенном властью лишает саму власть возможности видеть в пространстве не то что закономерности - просто некоторую не зависящую от государства реальность. Равно и любая динамика видится как результат действий

---

¹ Правда, и во времена СССР существовали отдельные группы, где имело место пространственное развитие, несмотря на сложности и большие искажения процесса. К примеру, так развивались самостоятельный походный туризм и движение авторской песни; существенные элементы пространственного развития были, по-видимому, в деятельности теневой экономики (вопрос же с административным рынком сложен и должен обсуждаться отдельно) и реально неофициальной, особенно - междисциплинарной, науки.

² Ср. сказанное с описанием бюрократической, канцелярской реальности, заменяющей чиновнику реальность объективную [Римский, 2003; 2004].

³ Считается, что неоплатонизм с его реализмом, убеждением в высшей реальности именно общих категорий (идей), а не индивидуальных сущностей, укоренился в восточном христианстве, тогда как на христианском Западе после рецепции аристотелианства посредством томизма возобладала более взвешенная концептуалистская точка зрения.

власти (удачных либо неудачных) и противодействий ей; спонтанность и самоорганизация явно игнорируются либо даже отрицаются. Явно и закономерно структурированное пространственно *общество = государство* меняется сегодня вполне закономерным образом и меняется, как было показано выше, радикально и стремительно. Но эти процессы не воспринимаются ни властью, ни массмедиа, ни общественностью. "Экспертным сообществом" они также почти не воспринимаются. Впрочем, мышление "экспертов" вообще чрезвычайно огосударствлено, отчего, в частности, они и почти бесполезны для решения собственно государственных задач.

Не нужная центру РФ опора: федеральная интеллигенция

Все интеллигенты российской глубинки во время летней страды работают в поле и на огороде. Дело никак не в солидарности с остальным населением. Местная интеллигенция так же, как и большинство жителей (вне центров крупнейших регионов и основных вторых городов - подавляющее большинство населения), ведет свое карликовое сельское (экономически - уже не подсобное) хозяйство, даже часто держит скот. Везде в глубинке (в селах, малых и средних городах) это - необходимость выживания.

Занятость в сельском хозяйстве не мешает интеллигентам исполнять свой долг; кроме обязательных школ или больниц работают - и хорошо работают - театры и самодеятельность, библиотеки и музеи. Любая территория взывает именно сейчас культурного самоопределения. И именно на местную интеллигенцию ложится бремя обыденного очень сложного культурного самоопределения территорий, особенно малых, периферийных и сельских. Интеллигент ведь и служит посредником между малым и большим миром. Стоит ли тогда загонять провинциальную интеллигенцию на гумно и на огород? Первым признаком того, что федеральная власть действительно озаботилась бы своей реальной опорой на местах, послужило бы избавление провинциальной интеллигенции от бремени сельского хозяйства. Интеллигент должен иметь свободное время (и деньги), чтобы читать книги, думать и разговаривать, тем более что в глубинке интеллигенция сохраняет свой общественный и культурный статус, роль "окна в большой мир"; по крайней мере она там куда более сохраняет его, чем в столицах России и центрах регионов. *Нельзя сделать большего для пространственного развития внутренней периферии и вообще глубинной России, нежели избавить местную интеллигенцию от необходимости заниматься сельским хозяйством.*

Однако федеральная власть, наспех соорудив грубые политико-механические подпорки, совершенно игнорирует свою культурную органическую опору на местах, *культурные скрепы российского пространства* - интеллигенцию в широком смысле. Федеральная власть призвана обеспечивать единство норм и шире - единство пространства страны, но далеко не всем социальным группам населения - безотносительно их современной успешности - нужно единое связанное пронизываемое пространство с едиными нормами. Такое пространство очень нужно именно тем, кого пренебрежительно зовут "бюджетниками". Это чуть ли не единственная группа, реально нуждающаяся в единой стране с общими нормами. Внепространственные структуры и акции часто имеют мощные последствия для пространства. *"Федеральная интеллигенция" гораздо эффективнее властных вертикалей может как интегрировать территорию государства, так и контролировать региональные элиты "снизу".*

Вертикаль власти - или система существующих районов?

О новой **властной вертикали** сказано уже чрезвычайно много, но не сказано главное. *Она не стыкуется с реальностью.*

Политическая организация пространства, система институциональных районов⁴ может *двойко соотноситься* с реальными, социально-экономическими районами. Во-пер-

---

⁴ У нас это субъекты Федерации и административно-территориальное деление (АТД), поскольку АТД как таковое существует лишь в унитарных государствах.

вых, институциональное районирование может быть - в идеале - полностью независимым от реальной организации общества в пространстве. К этому близки США, где почти не совпадают институциональные районы (штаты и округа - графства), социально-экономические районы на базе городских агломераций и реальные культурные районы типа Новой Англии [Смирнягин, 1989].

Во-вторых, институциональное районирование может строиться на основе реальных районов, а на самом деле формировать их, что во многом происходило уже в Российской империи и в полном объеме было осуществлено в СССР. В этом случае, при фактическом огосударствлении пространства, система институциональных районов должна согласовываться с реальными социально-экономическими районами. Такая система работает исключительно при очень хорошей согласованности с реальностью, иначе в зонах рассогласования реальных и институциональных районов накапливаются проблемы. Тогда всякий уровень институциональных районов должен формировать и уровень реальных комплексных районов, а всякий уровень таких районов должен немедленно и неизбежно институционализироваться. В нашей стране в перспективе желателен первый путь, но для его реализации государство должно резко сократиться в функциональном размере (пресловутая доля государственных расходов в ВВП) и просто начать постепенно уходить из пространства, как оно уходит из экономики. Но в любом случае система институциональных районов (это отнюдь не обязательная иерархия с вложением районов как целых в более крупные [Каганский, 1993]) - это и есть настоящая вертикаль власти, и она должна быть как реалистичной, так и гибкой.

Здесь возникают два парадокса. **Первый.** В условиях огосударствления пространства все уровни иерархии власти копируют друг друга, и власть доходит до самого низа; сельский район копирует своим набором учреждений чуть не саму Москву. В провинциальной глубинке, что мной неоднократно наблюдалось в путешествиях, бросается в глаза обилие районных учреждений и районных чиновников - ведь каждое ведомство Федерации или региона доходит до самого малого района. В каждом районе - иногда с населением всего несколько тысяч человек - сотня "районных министерств"; странно видеть утром сонм официально одетых людей в галстуках и с портфелями на сельской улице вперемешку с курами и коровами [Каганский, 2003⁶]. Именно там, где царит настоящая патриархальная жизнь и люди заняты своими обыденными делами, далекими от всякого государства и почти на него не рассчитывая, наибольшая доля государственных (федеральных, региональных и местных) чиновников в населении. Максимальная относительная концентрация чиновников существует отнюдь не в столице державы, а в райцентрах глухомани. *Вертикаль власти упирается в такую глушь, что занимает там в государственных учреждениях чуть не все население.*

Второй. Реально существующие районы лишены институционального статуса. Сказав "а" и создав федеральные округа ровно посередине между страной в целом и ее регионами (федеральные округа с географической точки зрения выделены на редкость неудачно), федеральная власть не сказала "б" - не создала свои структуры уже между уровнями субъектов Федерации и местного самоуправления. Не в них ли должна заканчиваться общегосударственная вертикаль? Ведь именно между административными районами и городами "снизу", с одной стороны, и регионами (субъектами Федерации) "сверху" - с другой, и лежит существующий на самом деле уровень промежуточных районов, но они никак институционально не оформлены.

Это - **экономические микрорайоны** (округа), компактные группы взаимосвязанных административных районов и городов. В РФ их примерно 400. Они выделены и хорошо изучены еще в советское время и продолжают изучаться сейчас. Эта сеть известна по имени главного автора направления как *сетка Лейзеровича* [Лейзерович, 2004; Рекомендации... 1989]. Сеть этих районов - самая дробная из сплошных частей, покрывающих всю территорию страны. *Это именно та система частей, из которых и состоит страна. Данные районы, несомненно, реально существуют, и они достаточно крупны, чтобы именно в них, а не в административных районах и городах, иметь весь набор федеральных структур.* Часть этих округов - городские агломерации (на базе центров

регионов и вторых городов), каковым сейчас не соответствует никакая институциональная структура. В Свердловской области примерно такие районы превратили в "областные округа" числом 6; проекты создания таких внутрирегиональных округов разрабатываются и частично уже внедряются в ряде регионов. Эти округа - куда более целостные системы, нежели административные районы (муниципальные округа), в которые не входят города областного (краевого и т.д.) подчинения, являющиеся институционально самостоятельными. Уровень экономических микрорайонов (округов) - *особый уровень: именно и только здесь поселения интегрированы в реальные территориальные системы, сочленено и взаимно пригнано сельское и городское расселение, (потенциально) сочетаются федеральный уровень, уровень субъектов федерации и муниципальный уровень.*

Экономические микрорайоны (округа) не привлекли внимания строителей вертикали власти; вряд ли они вообще им известны. А между тем данные округа могли бы иметь тройную институциональную нагрузку, представляя: самую мелкую, низшую единицу институционального районирования федеральной власти; округа субъектов Федерации; самую крупную единицу местного самоуправления (ассоциацию). Правда, такое совпадение нагрузок совершенно не обязательно - и даже в общем нежелательно.

Сейчас вводится закон о местном самоуправлении. Но в потоке комментариев к нему не видно даже гипотезы, что единицы местного самоуправления (институциональной нарезки пространства, *независимой* от государственной и региональной) или их объединения могли бы включать части нескольких разных смежных регионов. А почему же нет: таких культурно-хозяйственных организмов, цельных и реальных географических районов на стыке двух и даже трех регионов в России довольно много (Е. Лейзерович в одном из сообщений насчитал их более 40). И если их "режут" и государство своими федеральными округами (особенно поразительно отнесение взаимосвязанных и территориально переплетенных Башкирии и Челябинской области к разным федеральным округам), и субъекты Федерации, то почему же им на муниципальном уровне не объединиться? Таков, к примеру, реальный комплексный район из Муром на левом берегу Оки (во Владимирской области) и трехградья Кулебаки-Выкса-Навашино на правом (в Нижегородской области); или пара Великий Устюг (окраина Вологодской области) - Котлас (окраина Архангельской). Почему же формально независимое, в том числе и не зависимое от государственной власти местное самоуправление должно вписываться в районы иных систем и, значит, фактически им подчиняться? Зачем загонять самоуправление мест в прокрустово ложе административного деления? Не лучше ли дать местам глоток свободы, позволяя объединяться - ведь именно объединения муниципальных образований (а не сама россыпь мелких муниципий) и могут стать реальными противовесами региональной автократии.

Уровень экономических микрорайонов как реальных районов и притом районов неинституционализированных - *уровень максимального несоответствия и даже диссонанса реальной и институциональной пространственной структуры.* Коль скоро местное самоуправление по самому понятию и смыслу не есть государственная структура пространства, то для реализации своих функций, во избежание слияния с государственной структурой пространства или конфликта с ней *оно должно быть максимально независимо от государственной структуры пространства.* Но тогда пространственная структура местного самоуправления должна завершаться именно уровнем округов - как раз таких вполне реальных районов, которые не являются институциональными единицами федеральной власти или власти субъектов федерации⁵.

Что же опасно для властей регионов: молоток федеральной власти "сверху" (полпреды семи округов) - или "ножницы", расчленение "снизу"! "Региональные элиты" задолго до укрепления властной вертикали путем создания федеральных округов как ги-

---

⁵ Но поскольку есть - хотя и крайне немногочисленные - субъекты Федерации, в силу малого размера не делящиеся на округа, реальная картина должна быть сложнее.

перрегионов опасались не объединения регионов в группы, не дополнительной федеральной власти "сверху", но именно федеральной власти "снизу"... Не объединения регионов в федеральные округа боялись власти регионов, но их *разъединения* на федеральные округа меньше регионов, особенно если те будут включать части нескольких регионов, что имело бы огромный смысл (я разверну данную идею в отдельной работе). Именно такое преобразование и было бы *реальной монополизацией региональной власти*. Но тех, кто это понимал, - хотя то были, скорее, скептически относившиеся ко всяким искусственным вертикалям и прочим фигурам, - строители властной вертикали не спросили; и "региональные элиты" облегченно вздохнули... Несомненно, "региональные элиты" совершенно реальных регионов - залог и база потенциальной полицентричности пространства страны и реального разделения властей, каковое на самом деле имеет место только между федеральной и региональной властями, но неадекватность федеральной власти просто поражает.

Вряд ли может быть принят всерьез известный аргумент, что-де 300 - 400 компетентных окружных начальников в стране не найти (не раз приходилось его слышать из круга высоких государственных чинов). Если это действительно так, то здесь - свидетельство банкротства федерального Центра. Напомню, что главный, провозглашаемый публично аргумент в пользу упразднения Коми-Пермяцкого округа состоял в необходимости расформирования этого региона как института, который якобы "не справился со своими задачами". Что же, если следовать этой логике, делать с самим федеральным Центром?

Самоуправление фикций - или система реальных мест?

На дворе реформа местного самоуправления. Некогда созданные для стандартизованнейшего централизованнейшего управления единицы советского АТД вот-вот возвысят до особой ветви власти, помимо федеральной и власти субъектов Федерации. Все - по стандартному западному образцу. Бывшее советское АТД приняли как самоочевидную базу и изыскивают и конструируют законодательно-финансовую основу будущего местного самоуправления.

Низшие единицы советского АТД притирались к территории, на этом уровне шли довольно частые переделки районов, образование новых поселений, изменение их статусов и т.п. Но никто никогда не рассчитывал на их будущее самостоятельное существование. Низший ярус АТД и на уровне сельских районов, и на уровне малых и средних городов был придатком производственной структуры и интегрирован лишь структурами КПСС. Как правило, новый поселок городского типа или даже новый город формировались вслед за созданием военного, промышленного, транспортного и иного предприятия и вследствие такого создания - были ячейками для решения внешних по отношению к территории задач. Власть сначала формировала некие объекты и структуры и только для их обеспечения затем создавала социальную ткань. Если крупные (и то далеко не все) города еще имеют черты сложной полифункциональности реального целостного города, то низовые единицы АТД отнюдь не таковы. Труднее всего положение малых моноотраслевых городов и поселков городского типа. Дело тут не только в узости производственной, а значит, и налоговой базы. *Это по самой своей сути не самостоятельные поселения, а придатки предприятий*. Именно на таком уровне еще недавно почти вся социальная инфраструктура юридически находилась на балансе, а фактически в полной зависимости от производственных единиц. Сельские районы, малые и средние города - территории, где доминировала производственная функция, а все остальное было ее придатком.

Самое главное: *будущие единицы местного самоуправления в очень разной мере являются собственно местами. Место - явная и отчетливая территориальная целостность, само наличие, единство и специфика которой даны обыденному сознанию, реализованы в обычной жизни, проживается как ценность* (социальный район). Но ведь тогда *очень многие единицы АТД местами не являются, будучи иногда фрагментами*

иных мест. Но именно и только настоящие места имеют хоть какой-то шанс на эффективное самоуправление, поскольку являются (могут явиться) предметом заботы как реальная сущность. Требовать же от населения усилий и жертв, в частности налогов, на то, что актуально не существует для этого населения, требовать заботы о фикциях - бессмысленно и бесполезно.

Иногда и единицы АД представляют собой места, но местами в этом смысле бывают и совсем иные территориальные общности: группы близких поселений одного или нескольких районов; целостные части административных районов; группы небольших районов и городов при наличии тесных связей - уже упоминавшиеся округа (микрорайоны), части городов или статусно сложные смеси фрагментов городской и сельской местности, в том числе и относящиеся к разным субъектам Федерации! *Но именно эти обыденные социальные районы переживаются жителями непосредственно, осознаны и признаны ими; они всегда названы, причем нередко независимо от официальной топонимики.* Картина усложняется тем, что культурный ландшафт (а места - это сгустки ландшафта) быстро диверсифицируется, особенно потому, что досоветская культурная почва оказалась отчасти сохранной и актуализируется.

Механизм действий государственной машины понятен: ей даны не реальные места, а статусы мест. Но мои знания географии России и полевой опыт постсоветских лет показывают две важные вещи. Во-первых, иногда имеет место *существенное несовпадение официальных районов, поселений и реальных мест.* Во-вторых, *практически на любой территории, в каждом поселении существуют небольшие группы людей, знающих (и даже "удерживающих") реальную систему своих мест.* Довольно часто это краеведы, обычно имеющие вполне определенный культурный и общественный статус. У мест есть идентичность, и всегда есть носители этой идентичности. На всякой территории не так уж сложно выяснить, каковы именно эти конкретные места (для разных социальных групп актуализированы разные места, что также поддается выявлению); техники такого исследования разработаны. Заранее, исходя из априорных тощих схем, каковы только и разрабатываются для реализации законов о местном самоуправлении, нельзя сказать, окажется ли конкретная территория целостным местом с местным населением.

Сложно? трудно? непривычно? - да. Но это атрибуты реальной жизни, а не то, что кажется простым, легким и привычным на схеме АД, в парадигме конструирования абсолютно подвластной и совершенно лишенной внутренней закономерности реальности. Без крайней нужды власть не взялась бы за реформу АД⁶. Значит, многое в нем не устраивает - наверное, это и поразительная неэффективность, и большая ресурсоемкость, дороговизна функционирования. Но теперь *элементы дисфункциональной конструкции, изрядно уже обветшавшие, хотят положить в основу новой системы.* Итог таких преобразований понятен. Но важно, что жителей при этом никто не спросил, что же для них является "местом" и хотят ли они местного самоуправления: очевидно, что "неместа" просто не могут (и тогда не должны) иметь никакого местного самоуправления.

Местное самоуправление вводится на абсолютно всей территории страны без изъятий, тогда как хорошо известно, что *на очень значительных территориях ни мест, ни местного населения в точном смысле просто нет.* То и другое просто не успело сформироваться в ходе экстенсивного освоения новых территорий, для которых вводить местное самоуправление очевидно преждевременно. Проблематично и местное самоуправление в зонах катастрофической деградации культурного ландшафта; противоположную, но столь же проблематичную картину мы видим на некогда освоенных, но ныне заброшенных территориях. При несомненной нужности и важности местного самоуправления в общем случае на таких территориях оно должно замещаться - или по крайней мере дополняться - иными структурами жизнеобеспечения (внешнее управление).

---

⁶ У нас вечно путают реформы и кризисное управление (таковым, например, явно было освобождение цен в 1992 г., чтобы справиться с надвинувшимся голодом).

Местное самоуправление требует целостных, актуализированных, непосредственно данных местному населению мест, обыденных районов. Местное самоуправление - удел и право именно местного коренного населения, а не всех людей, случайно оказавшихся на данной территории. Строго говоря, для институциональных районов, тех округов, что учреждает федеральная власть или субъекты Федерации, целостность совершенно не обязательна. Но если так, то районы местного самоуправления должны иметь приоритет, в том числе выражающийся в том, что им вовсе не обязательно целиком территориально вкладываться в иные институциональные районы.

Административные статусы или истинные города?

Особый случай места - **город**. Городов вообще столь немного (порядка тысячи), что за время подготовки административной реформы можно было разобраться с каждым из них в отдельности.

Постсоветский город - это советский город после (очень частичного) упразднения советской власти. Но при ней все поселения, как и вообще все в пространстве, обладало государственным статусом. При централизованном управлении, предполагающем нормирование и, следовательно, стандартизацию, таких статусов не могло быть много. Отсюда - разделение всей сотни тысяч поселений на три страты: сельское поселение - поселок городского типа - город; отсюда же - предельная разнородность каждой из групп.

Разумеется, официальные города имеют некоторую общность и *de facto* как категория отличаются от сельских поселений - хотя бы размером и главной производственной функцией. Но никто, сколько мне известно, *не обосновывал и, соответственно, не обосновал, что сейчас в быстро меняющейся реальности существуют именно и только эти три типа поселений и что именно эти типы должны быть непосредственно объявлены институциональными единицами.*

Тем более что советская "урбанизация", произведшая массу статусных городов, стремительно проблематизируется, и прежде всего самой социальной жизнью. Впервые за несколько столетий в стране в мирное время перестала расти общая численность городского населения, и сотни поселков городского типа вернулись к своему прежнему статусу сельского поселения или получили его вновь, что само по себе беспрецедентно. О фиктивности и иллюзорности советской "урбанизации" свидетельствует и *дачный бум*, а если обойтись без эвфемизма, то вторичная аграризация значительного большинства формальных горожан, которые при первой же возможности вернулись к сельскохозяйственному труду [Каганский, 2003^в; Нефедова, 2003].

Что же и в каком смысле мы называем и считаем городом, если город - это: поселение, где большинство жителей занимаются сельским хозяйством, дающим им основной доход; закрытый, изолированный от окружения, не выполняющий никаких центральных функций (атрибутивных для города), монопроизводственный поселок, например, Минатома или вообще закрытый город (ЗАТО); обычный городок с диверсифицированным хозяйством и функциями местного хозяйственного и культурного центра; большой поселок - придаток единственного завода; административный центрик небольшого района, где большинство населения занято в органах управления; огромный фрагментированный, расплзающийся в агломерацию миллионный город, гораздо менее целостный, нежели его отдельные части, и т.д... Или все это разные типы поселений, каковые в разной мере способны к самоорганизации и самоуправлению, явно по-разному реагируют на внешние управляющие импульсы и требуют совершенно разных стратегий и политик?

Кроме того, разные города и типы городов совершенно по-разному очерчены городской границей: есть "города", включающие огромные массивы тайги или тундры; есть просто части слитной агломерации, когда граница разных городов проходит по бойкой общей улице; есть фрагментированные поселения, части которых разделены многими километрами, причем каждая часть весьма специфична и автономна; есть, наконец, города, которым тесно в своей административной границе, рассекающей территориальную и социальную ткань фактически единого поселения. И это далеко не все...

Реальное единство статусной категории "город" может и должно быть проблематизировано и оспорено по меньшей мере с двух разных сторон. Во-первых, разнообразие внутри этой статусной совокупности столь велико, что ей не может отвечать никакая единая деятельность, никакое единое нормирование, социальное и административное проектирование; многие административные города ни в каком смысле - кроме статуса - городами не являются. Во-вторых, эти административные единицы в очень разной степени целостны - от вполне реальных поселений до случаев, когда городом считается либо часть иного поселения, либо несколько фактически отдельных поселений, либо некоторый фрагмент, статус которого совершенно не ясен. Есть и более сложные случаи. Сейчас нет обоснованного списка истинных, фактических городов с оценкой численности их населения (на основе фактической границы) площади городской территории. Значит, данные о фактических городах никого не интересуют, что само по себе поразительно и настораживает. (Напомню, что еще до революции сюжет различения административных и истинных городов начинал осмысливаться и изучаться.)

И вот эта предельно нечеткая совокупность вновь наделяется единой административной реальностью. Идущая фрагментарно (включая реформирование ЖКХ) городская реформа основывается на институциональных руинах советского времени и соответствующих фикциях. Реформа неведомого? С неизвестным результатом?

Парадоксы действий власти в пространстве

Основные действия власти в последнее время, связанные с реализацией программы Президента РФ В. Путина, являются *попыткой массивной реставрации*, стремлением установить (вернее - восстановить) контроль центральной власти над пространством. Пожалуй, именно в этой сфере установка на реставрацию фактически советских структур достигает максимума, хотя здесь она и не столь ярко манифестирована, как в символической сфере (мелодия гимна СССР, красный флаг для вооруженных сил, чествование советских лидеров и т.д.).

Самое болезненное для страны проявление данной тенденции известно. Речь идет о второй чеченской войне, хотя бы формально она и называлась контртеррористической операцией. Смысл этой акции - военно-силовое, весьма жесткое удержание в составе страны территории, явно намеревавшейся выйти из состава современной РФ. Кроме того, действия федерального Центра состояли в дерегионализации, рецентрализации, фактической дефедерализации страны, создании иерархической вертикали и начавшемся процессе, интегрирующем все указанное, - укрупнении (объединении) регионов.

Все эти меры проводятся посредством изменения законодательства, в результате чего все больше полномочий сосредоточивается в федеральном Центре. Устранены противоречия нормативных актов РФ и регионов путем изменения законодательства исключительно регионов (а не регионов и Центра одновременно), что заметно уменьшило полномочия регионов. Здесь надо вспомнить "ельцинские" соглашения между Центром и регионами о разграничении полномочий в 1992 - 1993 гг. и сам Федеративный договор, санкционировавшие мощную децентрализацию и федерализацию. Именно эти соглашения ввели процесс регионализации в нормальное русло. При изменении налогового законодательства регионы потеряли заметную долю налоговой базы и оказались в еще большей зависимости от трансфертов из федерального бюджета; происходит *финансовая рецентрализация страны*, притом что частный бизнес - особенно банковский сектор - уже чрезвычайно централизован. Фактически заметно сокращены полномочия Совета Федерации. После того как он перестал состоять из избранных глав регионов и глав законодательных собраний регионов, его статус и авторитет резко упали. В формально федеративном государстве не осталось избираемого населением органа власти, представляющего субъекты Федерации.

Последняя новация в этой сфере - известное предложение о ликвидации статуса главы региона как должности, основанной на прямых выборах его населением региона, с заменой на фактическое назначение из Центра. Это вполне укладывается в канву дефе-

дерализации и есть не что иное, как первый шаг в попытке превращения Российской Федерации фактически в унитарное государство.

Многие из указанных мер осуществлены в рамках так называемой административной реформы, реальная цель которой - рационализация чрезвычайно неэффективной, громоздкой и дорогостоящей системы управления территориями. Реформа явно направлена на усиление контроля над всей деятельностью в пространстве, прежде всего над регионами.

Именно для подчинения "непокорных регионов" (точнее - не вполне лояльных Центру региональных элит) был создан специальный инструмент - семь федеральных округов (они были выделены географически и экономически странно). Можно было предположить, что полномочные представители президента станут своего рода наместниками и возникнет неконституционный уровень в институциональной структуре пространства (при создании округов в конституцию изменений не внесено) [Каганский, 2001]. Однако несмотря на тревогу части региональных элит и общественности эти новые институты мало себя проявили, если не считать прямого вмешательства в дела регионов, особенно во время выборов их глав.

Тенденция централизации и упрощения подвластного пространства достигает максимума в начавшемся процессе объединения регионов. Первый шаг уже сделан - Коми-Пермяцкий автономный округ (с большинством коренного населения и общим населением больше, чем у некоторых полноценных республик - субъектов Федерации, таких как Алтай или Адыгея) и Пермская область (в которую во времена СССР входил округ) объединяются в Пермский край. На повестке дня и "воссоединение" Красноярского края. В 2003 г. я проводил в Пермской области и Коми-Пермяцком округе специальные полевые исследования и не смог обнаружить в грядущем объединении ни малейшего смысла; но вот потери и утраты для округа и коми-пермяцкого народа велики. Объединительная риторика ровно ничего не объясняет, аргумент же о наличии "слишком большого числа" регионов страны, усложняющих-де функционирование государстве, - мнимый (подробнее см. [Каганский, 2003^г ; 2004^а]).

Все действия государства в пространстве в текущий период парадоксальны и обречены на неудачу; хотя бы потому, что они в точности повторяют логику действий государства СССР, неудача пространственной стратегии которого очевидна (сходство пространственных стратегий властей СССР и РФ было описано ранее [Каганский, 1995^а ; 2001]). Государство продолжает попытки нормировать, рационализировать, централизовать и т.п. свое же собственное государственное пространство, тогда как основная тяжесть пространственной событийности уже пребывает вне его рамок. Однако даже само существование, спонтанное развитие и рост "внегосударственного пространства" ускользают от внимания власти, общественности и специалистов. Наверное, даже хорошо, что они "ускользают", иначе государство непременно начало бы пытаться управлять этим процессом. Но если государство как общенациональный институт даже не отдает себе отчета в том, что же именно происходит на государственной территории, то не чем иным, как проявлением пространственной невменяемости федеральной власти и/или даже государства в целом это счесть нельзя. Так, Центр все еще воюет с региональными элитами, хотя их роль в силу пострегионализации и экономического подъема, размывающего регионы, и без того сокращается⁷. Ровно ничего не делается для оформления, бережной поддержки и просто форсирования нового "постгосударственного" обустройства пространства, этого нового будущего пространства России, развитие которого богато многими важными возможностями, такими как формирование нересурсно-сырьевых и экологически безопасных точек и зон экономического роста.

---

⁷ Пострегионализация - преодоление ольсоновских распределительных коалиций [Олсон, 1998], каковыми и являются регионы как институты.

Смысл пространства современной эпохи начала XXI века

В последние годы пространство России продолжало стремительно меняться. Сила и скорость его трансформации оставались весьма высокими. Однако эти изменения, хотя и были повсеместными, остались практически незамеченными. В массмедиа и "экспертном сообществе" почти господствует представление, что на новом - "путинском" - этапе трансформации пространства России все значимые изменения вызваны действиями власти. Я стремился показать - в этой и предшествующих статьях, - что на самом деле все обстоит совсем иначе.

Действительно, РФ в начале XXI в. вошла в новый этап развития своего пространства. Но его целесообразно выделять безотносительно действиям федерального Центра хотя бы потому, что власть, продолжая неадекватно действовать в пространстве, не может достичь своих целей. Это - *период начинающегося преодоления структур советского пространства и перехода российского пространства в постсоветскую фазу*. Как в 1990-е гг. стремительные спонтанные процессы были гораздо сильнее целенаправленных действий власти, так и в начале нашего десятилетия спонтанные процессы оставались главной движущей силой динамики пространства. Предшествующий "ельцинский" и продолжающийся "путинский" периоды отличаются отнюдь не соотношением спонтанных и целенаправленных (властных) источников пространственной событийности, но прежде всего *смыслом самих спонтанных процессов*. Отличие состоит еще и в том, что власть в ельцинскую пору куда менее шла против реальных тенденций и скорее подстраивалась к спонтанным трансформациям пространства, хотя она и была к тому вынуждена, особенно к регионализации и федерализации страны.

На момент завершения данной статьи (зима 2004 - 2005 гг.), опираясь на хотя и разрозненную, но зато разнообразную и получаемую непосредственно информацию, в том числе и в ходе путешествий, я могу констатировать верность заключения, к каковому пришел ранее - *имеет место наступление шанса и периода перехода от несоветского к постсоветскому пространству*, весь смысл которого и состоит в **разгосударвлении пространства**.

Разгосударвление пространства (приватизация же государственных пространственных структур насчитывает уже больше десятилетия⁸) означает само появление пространства *как самозаконного феномена, автономной сущности, не являющейся всего лишь аспектом* (либо частью) *общества = государства*, неким эпифеноменом. Подобно тому, как по мере приватизации собственности (новая) экономика фактически проросла из советского народного хозяйства и тем самым *возникла*, так и новое пространство будет постепенно прорастать из синкретического единства общества = государства = пространства и тем самым *возникать*. Смысл современной эпохи в пространственном аспекте - **становление** и даже, строго говоря, **возникновение пространства**⁹, если быть еще большим пуристом, то следует сказать, что через советское пространство = общество = государство прорастает культурный ландшафт (подобные различия см. [Каганский,

---

⁸ Тезис об активно идущей приватизации пространства, приватизации институциональной структуры пространства (приватизации АТД), приватизации самих регионов высказывалась мной неоднократно, начиная примерно с 1993 г. [Каганский, 1994; 1995^a; 1995^b; 1996]. Но тогда имело место исключительно "присвоение" элементов государственного пространства, а не формирование элементов нового пространства. Как ни странно, но вначале идет "первая приватизация" государственного пространства, а лишь затем - "вторая его приватизация" уже в ходе разгосударствления. У "второй приватизации" уже негосударственного пространства (в отличие от первой - приватизации государственных пространственных структур) совершенно иные пространственный рисунок (он пока не изучен) и смысл (он пока не понят).

⁹ Впервые в публичной дискуссии вывод о несуществовании пространства (в терминологически точном смысле) в СССР (советском пространстве) был сделан на "круглом столе" касательно обратимости и необратимости трансформации пространства в ходе распада СССР на конференции "Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства" (Москва, декабрь 1995). Этот вывод содержится в [Кордонский, 2000; Каганский, 1996].

2001]). Теперь пространство (культурный ландшафт) не является всецело и всего лишь аспектом государства; *есть уже и такое пространство, которое не сводимо к государству*. Однако этот феномен, как все значимое в пространстве на протяжении последних полутора десятилетий бурных пространственных трансформаций, не обращает на себя ни малейшего внимания; не поставлена даже задача изучения и осмысления этого нового пространства.

Основное содержание современного этапа пространства России - начало разрыва с советским пространством и его постепенного преодоления: массивные инверсии и стремительная пострегионализация, в ходе которой все более значимыми становятся пространственные структуры, не связанные с (региональной) структурой государства. Полагая пострегионализацию необходимым и неизбежным средством преодоления советского пространства, я вижу и ее противоречия, и проблемы. Среди них - резчайшее усиление контрастов мест, "безразличие" процветающих мест к бедствующим, наконец, общая резкая фрагментаризация культурного ландшафта страны; остро недостает равно ландшафтного творчества и консолидирующей энергии новых и старых местных сообществ. Не случайно этот процесс называют и мозаизацией [Чебаров, 2002].

Ситуация предельно противоречива и парадоксальна: *пространство спонтанно разгосударвляется - действия власти состоят в попытке нового огосударствления пространства; пространство "приватизируется" - власть жаждет опять его "национализировать"!* Действия власти и направление складывающихся реальных тенденций прямо противоположны. Преодолеть эти тенденции власть не в состоянии, но она в состоянии их заметно осложнить. Действия власти, несомненно, мешают пространственному развитию страны. Власть не в силах постичь реальные процессы и считаться с ними, не потому ли она и стремится восстановить контроль над пространством? Власть воздействует на реально идущие процессы, но результаты этого действия расходятся с намерениями властных структур.

Именно в этот период федеральная власть России *упускает последние возможности конструктивных действий в пространстве России в целом. Окно возможностей целенаправленной трансформации пространства России как целого захлопывается окончательно.*

* * *

Ни государство, ни общество в целом *своего пространства не знают, не понимают, не любят, не склонны отдавать себе отчета ни в его бремени, ни в его возможностях; никаких изменений к лучшему в этом со времен СССР не произошло*. Тем более они не понимают нового, возникающе-становящегося пространства. Пространство как сложный предмет *не дано нашей власти и нашему обществу; в культуре же оно расположено на далекой периферии*. Место пространства занято мифами вроде тех, что поставляют ядовито-плодоносящая геополитика. Обнадеживает лишь одно - *реальная жизнь собственно страны*, того, что с позиции Центра (Москвы) пренебрежительно именуется местами ("на местах"), территориями, регионами, провинцией (ее вечно путают с периферией). *Места и группы ищут (и постепенно находят!) себя в пространстве, а государство им по-прежнему мешает, нанося при этом самому себе только урон*. У пространства есть один-единственный шанс ожить - *вырастать "снизу", жить в самоорганизации*. Если государство не намерено повредить пространству страны, следует осторожно дополнять самоорганизацию, пространственное развитие тонкими мерами, основанными на подлинном знании реальности.

Именно в возможности пространственного развития вне и помимо государства - как бы ни было это трудно - и состоит радикальное различие РФ и СССР. ***Сводя вопрос о РФ как СССР сегодня исключительно к действиям государства (особенно федеральной власти), следует настаивать на положительном ответе на него; выход в область пространственной самоорганизации, несомненно, дает отрицательный ответ.***

стр. 111

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Каганский В. Л. Административно-территориальное деление: логика системы и противоречия в ней // Известия РАН, серия географическая. 1993. N 4.

Каганский В. Л. Внутренний Урал // Отечественные записки. 2003⁶. N 3(12).

- Каганский В. Л.* Естественные колебания и искусственная нестабильность. 2003^г (<http://www.polit.ru/docs/619194.html>).
- Каганский В. Л.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М., 2001.
- Каганский В. Л.* Незамеченные революции. Дачный бум // Колокол. 2003^в. N 3 - 4.
- Каганский В. Л.* Пермский прецедент // Русский журнал. 2004^а (http://www.russ.ru/cultur/20040622_kag.html).
- Каганский В. Л.* Реальности регионализации: основные аспекты процесса // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. М., 1994.
- Каганский В. Л.* Региональная политика Российской Федерации как проблема // Этика успеха. Вып. 7. Тюмень-М., 1996.
- Каганский В. Л.* Россия. Пространственное развитие? // Сообщение. Технологический журнал для гуманитариев. 2003^а. N 6(42).
- Каганский В. Л.* Советское пространство: конструкция и деструкция // Иное. Т. 1. М., 1995^а.
- Каганский В. Л.* Страна побеждающего регионализма? // Дух корпорации / Этика успеха. Вып. 4. Тюмень-М., 1995^б.
- Кордонский С. Г.* Рынки власти. Административные рынки СССР и России. М., 2000.
- Лейзерович Е. Е.* Экономические микрорайоны России (сетка и типология). М., 2004.
- Нефедова Т. Г.* Сельская Россия на перепутье. М., 2003.
- Олсон М.* Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция и социальный склероз. Новосибирск, 1998.
- Рекомендации по районированию территории для целей расселения и районной планировки. М., 1989.
- Римский В. Л.* Бюрократия, клиентелизм и коррупция в России // Общественные науки и современность. 2004. N 6.
- Римский В. Л.* Выборы без стратегического выбора // Общественные науки и современность. 2003. N 5.
- Смирнягин Л. В.* Разъединенные штаты Америки. Районы США. М., 1989.
- Чебанов С.* Пространственная вменяемость как форма рефлексии // http://www.russ.ru/ist_sovr/20020204_kag.html03.04.02.